РАН и государственная власть

Начиная с заседания Ученого совета СПбИИ РАН с отчетом о работе в 2011 г., я как научный работник, принятый в штат этого института в 1955 г., начавший печататься в 1951 г., и гражданин РФ выступаю против огосударствления РАН, осуществляемого в такой форме, которая должна дать руководству страны возможности директивного управления наукой по образцу тех, которыми обладало Политбюро ЦК коммунистической партии. Я вижу в том, что произошло, ущерб не только интересам науки, но и практике государственного управления и хочу здесь остановиться именно на этом, поскольку история государственных учреждений как отрасль исторических знаний является традиционным предметом занятий некоторых из нас. Опасность проводимых преобразований для единства РФ подлежит специальному рассмотрению.

Правительственная власть даже при значительной роли парламента и разностороннем влиянии общественной среды с течением времени все больше нуждается для выработки и осуществления своего политического курса в постоянной научно-исследовательской поддержке, далеко выходящей за пределы заказных экспертных тематических оценок.

Стирание в представлениях широких общественных слоев граней между постулатами, кажущимися хрестоматийными истинами, и достижениями развивающейся научной мысли — характерная черта интеллектуальной действительности, современной — в особенности. Не это ли было одной из причин того, что отношения советского политического руководства с носителями гуманитарных знаний — исследователями и публицистами традиционно носили конфликтный характер? Именно эти лица составляли главный контингент ленинского «философского парохода». Против них было направлено «Академическое дело», провокационный характер которого цинично подтверждался тем, что германский историк-русист О. Хётцш, связи с которым инкриминировались сидевшим в тюрьме С. Ф. Платонову и Е. В. Тарле, был почетным гостем в Москве. Громившие жертв «Академического дела» молодые воинствующие марксисты через несколько лет стали исчезать, оставив после себя теорию формаций, которая Сталиным то одобрялась, то упоминалась в пренебрежительном смысле.

1 февраля 1931 г. Общее собрание АН СССР исключило из числа действительных членов Н. П. Лихачева, М. К. Любавского, С. Ф. Платонова и Е. В. Тарле, несмотря на возражения президента А. П. Карпинского, которое было расценено в печати как «контрреволюционная вылазка». Его отставка не была принята по распоряжению Политбюро, которое решило сохранить Академию, коренным образом реорганизовав ее, и оставить старого президента в качестве декорума.[1]

В. М. Панеях отметил сделанное уже в 1918 г. Наркомпросом союза коммун Северной области предложение ликвидировать Академию наук и подобные ей учреждения как «совершенно ненужные пережитки ложно-классической эпохи развития классового общества». Вице-президент АН В. А. Стеклов видел одну из причин начавшегося сразу после Октябрьской революции преследования Академии в зависти к ее успехам, творящей «клевету и злословие». М. Н. Покровский, заместитель наркома просвещения, руководитель Комакадемии и Института красной профессуры, задавался вопросом: «Нужно ли радикально реорганизовывать, и в смысле личного состава и в отношении занятий, гуманитарное отделение Академии, или вовсе его прикрыть. С точки зрения экономии сил и средств, последнее, конечно, было бы правильнее».

Выбран был курс на огосударствление и большевизацию (тогда это называлось «оккомунизацией» академических учреждений[2]).

---

[1] *Каганович Б. С.* Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб., 2014. С. 146.

В новой книге о советских культурных контактах с заграницей в 1930-х гг., выпущенной ИРЛИ под редакцией Галины Тиме, выразительно описаны те преследования, которым подвергалась в те годы АН.[3]

Между тем Сталин начал прибегать к помощи тогдашних носителей марксистских научных знаний. Именно такой характер носил основанный в составе Комакадемии в 1925 г. Институт мирового хозяйства и мировой политики, который после закрытия Комакадемии в 1936 г. оказался в составе АН СССР. Тесно связанный с Коминтерном и ЦК ВКП(б), он был, однако, как представляется, подвержен влиянию некоторых европейских направлений в развитии марксистской мысли. В течение первых двух лет его возглавлял ровесник Ленина Ф. А. Ротштейн (1871—1953), тесно связанный с английскими левыми социалистами, а затем сталинский ровесник Е. С. Варга (1879—1964), представитель т. наз. австро-марксизма. Репутация Варги была связана не только с экономической мыслью, но и с хозяйственной практикой: он был народным комиссаром финансов и председателем ВСНХ Венгерской советской республики.

Эмигрировавший в СССР он стал в 20-х годах деятелем Коминтерна и автором ряда марксистских работ о мировом хозяйстве. Приспособиться ко всем реалиям советской действительности он не мог, а, по-видимому, и не хотел. 28 марта 1938 г. он обратился к покровительствовавшему ему Сталину, Г. М. Димитрову и Н. И. Ежову с письмом, названным «Проблемы нелегальных партий и массовые аресты». «Прежде всего» его беспокоило то обстоятельство, что ксенофобия и расправы с иностранцами в СССР «без разбора» как со шпионами мешают компартиям фашистских стран и Коминтерну поддерживать СССР в предотвращении войны.[4] Вскоре Мюнхенское соглашение и последовавшие за ним события придали этим предостережениям особенный смысл.

12 мая 1941 г. Г. М. Димитров записал в своем дневнике слова Сталина о «безродном космополитизме», который, не имея ничего общего с пролетарским интернационализмом, готовил «почву для вербовки шпионов, агентов врага».[5] А накануне, 11 мая, появилось представление заместителей начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Д. Поликарпова и А. Маханова секретарю ЦК А. А. Жданову о кадрах возглавлявшегося академиком Е. С. Варга института. После его письма Сталину Димитрову и Ежову прошло более трех лет, вторая половина этого срока была временем действия двух советско-германских пактов.

Документ Поликарпова и Маханова, направленный против Е. С. Варги и его института, важного центра антифашистской научной мысли, свидетельствовал, что ксенофобия, о которой говорилось в его письме 1938 г., ярко проявлялась в практике ЦК, включая осторожно, но недвусмысленно выраженную антисемитскую направленность.

Документ начинался с классово-политического мотива: в институте «разоблачено 39 врагов народа», треть его сотрудников — выходцы из буржуазно-дворянской среды. Были подсчитаны прежде состоявшие в других партиях, имевшие родственников за границей. Но затем авторы документа переходили к своей главной, национальной, теме. «В Институте, — писали они, — лишь незначительная часть должностей, как правило, второстепенных, замещены русскими людьми. Из 68 старших научных сотрудников русских только 30 человек, из 16 референтов — 5 человек, из 13 аспирантов — 4 человека.

Особенно неблагополучно обстоит дело с руководящими кадрами Института. Из 15 руководящих работников (дирекция, заведующие секторами) 8 человек по своему социальному происхождению торговцы, 4 выходца из других партий, двое бывших

---

[2] *Панеях В. М.* Упразднение Ленинградского отделения Института истории АН СССР // Вопросы истории. 1993. № 10. С. 19.

[3] XX век. Тридцатые годы / Отв. ред. Г. А. Тиме. СПб., 2013.

[4] *Черкасов П.* ИМЭМО. Институт мировой экономики и международных отношений. Портрет на фоне эпохи. М., 2004. С. 30.

[5] *Чернявский Г.* Дневники Г. М. Димитрова // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 55.

троцкистов, один исключался из партии, четверо имеют близких родственников за границей. Среди руководящих работников только два человека русских». Далее следовал список «некоторых» из этих работников. Из девяти включенных в него лиц семеро были евреи, хотя слово это не упоминалось, двое — венгры.[6]

Впрочем, по сравнению с расстрелами польского офицерства, осуществленными НКВД по решению Политбюро, принятому в 1940 г., это были канцелярские игры, значение которых заключалось в их очевидной симптоматичности.

Майский документ 1941 г. был частью кампании, которая велась против Варги и его института Агитпропом ЦК ВКП(б). Она рассмотрена не только в отечественной литературе, в которой видное место принадлежит книге П. Черкасова, но и рядом иностранных авторов. Итоги их работы, как и материалы российских архивов, представлены в недавней статье южно-корейского исследователя Ким Док Ро, здесь мною использованной.[7]

Неодобрительно критическое отношение к Варге и его институту было связано с советско-германским сближением. Летом 1940 г. руководитель ТАСС Я. С. Хавинсон обратился с письмом против них в ЦК ВКП(б) и Наркомат иностранных дел, копию которого Агитпроп теперь, через год, у него запросил. Оно основывалось на том, что наступило время для изучения Realpolitik. Так Хавинсон называл систему отношений между отдельными державами и странами, противопоставляя ее марксистской теории о монополистическом капитале и классовой борьбе. Подтекст был ясен: вальс с Гитлером представлялся недопустимым и с точки зрения марксистской теории международных отношений, оплотом которой был институт Варги. Хавинсон предлагал заменить его как чисто экономический новым, подчиненным Наркоминделу и имеющим целью изучение международной политики и конъюнктуры. «Принимая во внимание политическую атмосферу этого времени, — утверждал Ким Док Ро, — документ Хавинсона был поразительно прозападным, противоположным ленинизму и реформаторским».[8] К этому следовало бы, однако, добавить, что он был составлен, прежде всего, с оглядкой на Берлин.

Авторы цековского документа об институте Варги следовали тем курсом в национальном вопросе, принятие которого Сталиным как части новой политической ориентации было в 1939 г. с удовлетворением отмечено в Берлине.

Жданов, впрочем, исправил документ Агитпропа, добавив осуждение прогерманских мотивов в исследованиях института. 16 июня явно под влиянием письма Гитлера Сталину, полученного 14 мая 1941 г., Секретариат ЦК поручил Агитпропу в десятидневный срок разработать план реформирования института.

Начало 1942 г. ознаменовалось появлением в сталинской политике и пропаганде неожиданного своеобразного интернационалистского проблеска по отношению к немцам с недвусмысленным намеком на возможность использования в советской политике Германии и ее роли. «Гитлеры приходят и уходят, а народ германский, государство германское остаются», — говорилось в приказе Наркома обороны 23 февраля 1942 г. Благозвучные слова в приказе, появившемся в дни переговоров, которые вел в Мценске по поручению Сталина заместитель наркома внутренних дел В. Н. Меркулов с группенфюрером СС К. Вольфом, носили тактический характер, но вызвали отклики подлинно интернационалистского характера.

Еще существовал Коминтерн (официальная дата его роспуска — 15 мая 1943 г.), когда акад. Е. С. Варга в марте 1943 г. выступил в Свердловске на собрании Отделения философии, экономики и права АН СССР с докладом «Исторические корни особенностей германского империализма», в котором напомнил о революционных традициях

---

[6] Государственный антисемитизм в СССР. С. 24—26.

[7] *Kyung Deok Roh*. Rethinking the Varga controversy. 1941—1953 // Europe-Asia studies. Vol. 63. № 5. July 2011. P. 833—855. Благодарю за сообщение о ней С. К. Лебедева.

[8] Там же. С. 836.

германского рабочего класса и выразил убежденность в их проявлении в будущем. Объяснения фашистских зверств германским национальным характером, дававшиеся Эренбургом и другими, он отвергал. Первый заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский, входивший в качестве академика в состав Отделения, назвал докладчика «пособником германского фашизма» и донес о докладе Сталину и Молотову.

Рассказывая об этом впоследствии как о своей попытке марксистского анализа, Е. С. Варга допускал, что она «была психологически преждевременной». «Все было приведено в движение против меня: секретариат ЦК, парторганизация Института.

Разбирательство в институтской парторганизации представляло собой страшную картину. Как марионетки вставали все члены партии (в том числе мои лучшие друзья, которые были согласны со мной), чтобы осудить мой доклад и меня самого. Единогласно было принято осуждающее меня решение...

Еще страшнее выглядело разбирательство в Секретариате ЦК. Я венгр, венгерские войска вместе с немцами воевали под Воронежем. Обвинение в „защите гитлеровского империализма" было почти равносильно государственной измене. Обвинителем выступал Александров, тогда заведующий отделом пропаганды ЦК. Он был помощником академика Иванова — отъявленного негодяя, которого Вышинский прочил на мое место директора Института. Александров имел наглость утверждать, что Институт заполонили немцы и венгры, что немецкий язык стал „государственным языком" (поскольку я с немецкими товарищами разговаривал по-немецки, ведь это мой второй родной язык); выдвигались и другие столь же вздорные обвинения. Когда мне дали слово, я спросил „ведущего дело" секретаря ЦК, читал ли он мой доклад. Он ответил: „К чему мне его читать, раз все приняли его в штыки". Мне сказал это Щербаков, откормленная свинья с маленькими злобными глазками, один из худших представителей самовластной бюрократии».[9]

По совету Г. М. Димитрова Е. С. Варга обратился за помощью к Сталину, и она тут же была оказана сначала Молотовым, а затем и самим Сталиным. Похоже, что помимо защиты Варги Сталин имел в виду психологическую подготовку отказа от пропагандистского немцеедства.

Сначала на трагическом письме старого ученого с признанием ошибок и упоминанием о гибели на фронте единственного сына появилась одобряющая доклад резолюция Молотова. А затем раздался звонок Сталина, сказавшего: «Это хороший марксистский доклад! Кто Вас обвинил?».

«Что произошло дальше, — продолжал Варга, — я знаю только от Димитрова, который сказал, что Сталин пропесочил людей, которые меня оклеветали. А далее — унизительные последствия. Через несколько дней мне позвонил Александров, заявил, что мой доклад был не так уж плох (!), что я мог бы его опубликовать.

Что же касается подлой собаки Вышинского, то он имел бесстыдство говорить обо мне публично в Академии „мой друг Евгений Самуилович" и всячески расхваливать меня. А палач Щербаков предоставил мне право пользоваться автомобилем из гаража ЦК (все автомобили Академии были тогда реквизированы для армии).

Впрочем, высшая бюрократия ЦК не забыла пережитого из-за меня унижения...»[10]

В Институте мирового хозяйства и мировой политики научная работа оказалась и в послевоенные годы увязанной партийным руководством с неудовлетворительностью национального состава его сотрудников, причем на сей раз это относилось уже только к евреям.

Наступление мира означало для исследователей мировой экономики необходимость и, как им казалось, возможность рассмотреть социально-экономические итоги и уроки мировой войны. Е. С. Варга уже в 1946 г. выпустил при содействии Сталина книгу «Изменения в экономике капитализма в итоге второй мировой войны». В

---

[9] *Черкасов П.* ИМЭМО. Институт мировой экономики международных отношений. портрет на фоне эпохи. С. 36—37.

[10] Там же. С. 36—39.

следующем году в Ленинграде Я. С. Розенфельд, знаток экономики промышленности, служивший во время Первой мировой войны в Центральном военно-промышленном комитете у А. И. Гучкова, выпустил книгу «Промышленность США и война». Смысл сказанного представителем австро-марксизма и практиком государственного регулирования капиталистического промышленного производства в военное время совпадал в научном признании ими обоими роли государства в военной экономике. Что роль эта не исчезнет после войны — Варга утверждал на дискуссии по его книге в мае 1947 г. Между тем, в традиционных ленинских представлениях первое место отводилось монополиям, которые должны были подчинять себе правительство или, в крайнем случае, сращиваться с ним.

В «верхах» установилось отрицательное отношение к книгам Варги и Розенфельда, и был открыт их обстрел громовыми статьями партийной печати.[11]

К тому же Варга и некоторые из его сотрудников выступали за участие СССР в плане Маршалла. Идея эта, поначалу положительно встреченная Политбюро, была им вскоре отвергнута.[12] В самом институте атака на директора велась уже в течение 1945—1946 гг. его новым заместителем Захаровым, бывшим помощником Маленкова, пытавшимся изменить национальный состав сотрудников. Начало войны, как уже говорилось, помешало в этом Д. Поликарпову и А. Маханову. Ее окончание представлялось подходящим для возобновления дела.

По свидетельству известного американиста В. Лана (В. И. Каплана) Захаров дал ему секретное поручение составить записку о национальном составе ученых, работающих в научно-исследовательских организациях и профессоров высших учебных заведений в США. Варга позвонил Маленкову и сказал: «Товарищ Маленков, мне комиссар не нужен, либо я, либо Захаров». Отозванный из института в тот же день Захаров стал с активно бороться с Варгой. «Он знал, — писал В. И. Каплан, — что Сталин недоволен последними записками, полученными от Е. С. Варги, и написал письмо на имя Генерального секретаря. Были еще аналогичные письма. В другое время Сталин вряд ли удостоил бы подобные письма вниманием, но тогда доносы попали точно в цель. Писали, что национальный состав Института не вызывает доверия. Сталин, готовя очередное "острое блюдо" под видом кампании против "космополитизма", решил вопрос по-своему. Он сказал: "Разогнать". И Института не стало...».[13]

Это был 1948 год, а в начале следующего, 1949-го, кампания против космополитизма была открыта залпом по всем целям — от театральных критиков до физиков, которым инкриминировали» не только низкопоклонство перед заграницей, но и философский идеализм. Его воплощением объявлялась квантовая теория. Фантастический характер обвинений был ясен самим «проработчикам», которые часто не только предъявляли, но и измышляли их. Акад. М. А. Марков вспоминал, как на одном из заседаний для подготовки разгромного совещания по физике по образцу печально знаменитой августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г., на которой был нанесен убийственный удар по биологии в СССР, сидевший рядом с ним А. В. Топчиев, назначенный Сталиным одним из руководителей АН, «тихо проговорил: "Слушай, признай хоть что-нибудь"». Известно, что директиве о некотором ослаблении натиска на космополитов и прочих, последовавшей после двухмесячного развертывания кампании, предшествовала, кроме политических обстоятельств, твердая позиция академиков

---

[11]О кн. Варги см.: *Гладков И. А.* Об изменениях в экономике капитализма в результате второй мировой войны // Большевик. 1947. № 17; *Лаптев И. Д.* По поводу одной экономической дискуссии// Правда. 1948 г. 26 янв.; *Кузьминов И. И.* О государственно-монополистическом капитализме // Большевик. 1948. № 5. С. 54—73; *Гатовский А. М.* В плену буржуазной методологии // Там же. С. 74—80.

[12] *Данилов А. А., Пыжиков А. В.* Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы. М., 2001. С. 47—48

[13] Цит. по: *Черкасов Петр.* ИМЭМО. С. 61—62.

И. В. Курчатова и Ю. Б. Харитона. «Либо делать бомбу, либо бороться с идеализмом», — заявили они Л. П. Берии в ответ на его вопрос об использовании теории относительности и квантовой теории в работе над бомбой. Не в интересах ли соблюдения чистоты идеологии во главе Военно-промышленного комплекса в России наших дней поставлен доктор философских наук?

Подготовлявшееся в 1949 г. совещание по физике не состоялось. Среди нескольких вариантов сталинского указания об этом, сохранившихся в памяти имевших отношение к делу мемуаристов, есть и такой: «Пусть делают бомбу, расстрелять всегда успеем». Несмотря на упорное сопротивление академиков-физиков, натиск на академию, на физику, как и на гуманитарные науки, к концу жизни Сталина не только не прекратился, но и, наоборот усилился. В течение 1952 г. активно готовилось новое совещание по физике, которое должно было последовать за осуществленным вторжением в химическую науку.

17 ноября 1952 г. в «Правде» в передовой статье «Развертывать критику и борьбу мнений в науке» было сказано: «Нельзя, например, считать нормальным положение, сложившееся в физике, где имеются группы ученых, которые уклоняются от дискуссий и игнорируют любые попытки подвергнуть критике идеалистические течения в современной физике».[14] 28 ноября 1952 г. в Физическом институте АН СССР состоялся доклад члена-корреспондента АН СССР, ленинградца А. Д. Александрова «Философские ошибки в некоторых учебниках физики, написанных сотрудниками ФИ АН». В ходе подготовительных заседаний к совещанию 1949 г. он вместе с группой ленинградских физиков, возможно, под влиянием приезжавшего в Ленинград С. И. Вавилова, не поддержал идеологической критики. Теперь у него была иная позиция. «Я был вынужден, — начал он, — по данному мне одной организацией поручению заняться исследованием некоторых книг по физике, и… обнаружил некоторые вещи в духе субъективного идеализма».[15] Что он действует «по поручению одной организации», А. Д. Александров повторил и в заключительном слове.[16] Для него, математика, это поручение предшествовало назначению на пост ректора ЛГУ. Главное зло усматривалось в работах Л. И. Мандельштама. Открывшаяся подготовленным летом 1952 г. «боевым» сборником «Философские проблемы современной физики» и статьей А. А. Максимова «Против реакционного эйнштейнианства» в газете «Красный флот» 13 июня 1952 г. кампания была возобновлением отмененной в марте 1949 г. Не играла ли газета «Красный флот» роль «журнала мясомолочной промышленности», в котором Сталин рекомендовал в 1949 г. опубликовать критическую статью, понимая ее истинный смысл?.

На сей раз формой сопротивления физиков было коллективное декабрьское письмо к Берии одиннадцати физиков, членов АН СССР, с требованием разрешить академику В. А. Фоку ответить в печати на выпады против него Максимова в «Красном флоте». Берия переслал это письмо Маленкову, который поручил дело М. А. Суслову, секретарю ЦК Н. А. Михайлову и заведующему Отделом науки Ю. А. Жданову. Они отметили ошибку редакции «Красного флота», напечатавшей статью «не по профилю». Статья

---

[14] Сталин и космополитизм. С. 644, примеч.

[15] *Сонин А. С.* Газета «Красный флот» против идеализма в физике // Вестник РАН. Т. 61. 1991. № 1. С. 113—122.

[16] Ср., однако, сообщение об этом заведующего отделом науки ЦК Ю. А. Жданова в докладной записке Г. М. Маленкову 26 июля 1952 г.: «Наряду с Максимовым ряд других видных ученых (например, член-корреспондент АН СССР А. Д. Александров, действительный член АН УССР Комар А. П.) также отмечают наличие в трудах Мандельштама серьезных идеологических ошибок» (Сталин и космополитизм. С. 643). Почти полвека спустя престарелый академик А. Д. Александров во время перерыва в ходе общего собрания РАН в отсутствие председательствовавшего поднялся с помощью жены на трибуну и стал произносить хвалебную речь о Сталине. К трибуне сейчас же подошел один из участников собрания, который перед всем залом напомнил А. Д. о его докладе против идеализма в физике, и тот, замолчав, вернулся на свое место.

В. А. Фока была рекомендована в «Вопросы философии» и помещена в № 1 за 1953 г., но намечавшийся Секретариат по поводу письма физиков не состоялся. Максимов же, не зная об этом, 5 февраля 1953 г. подал Берии донос на Фока, обвиняя его не только в идеологических грехах, но и в злоупотреблении его, Берии, именем.[17] Н. А. Михайлов и Ю. А. Жданов этого не одобрили. Стали обследовать физический факультет МГУ, оплот «идейности» в физике.

Дружное сопротивление атомщиков сыграло свою роль. Борьба продолжалась с перевесом на их стороне, в отличие от того, как это было во время предыдущего натиска ЦК.

Ведь отмена совещания по физике в марте 1949 г. не прекратила партийного наступления в области точных — как, впрочем, и гуманитарных — наук. Уже летом 1949 г. Агитпроп ЦК подверг критике статью и выступление С. И. Вавилова о Ленине и философских проблемах физики, его доклад об этом на совещании заведующих кафедрами марксизма-ленинизма.[18] Осенью 1950-г. С. И. Вавилову как президенту АН пришлось освободить от обязанностей директора Физико-технического института академика А. Ф. Иоффе, чествование семидесятилетия которого тогда же, в ходе заседания, было сведено к его собственному самокритическому докладу.[19] Директором стал А. П. Комар. Назревал поход против преклонения перед заграницей в области химии (Всесоюзное совещание по этому поводу состоялось в Отделении химии АН в июне 1951 г.).

По-видимому, у президента АН были основания опасаться самого худшего. С. П. Капица передал рассказ отца, которого С. И. Вавилов за несколько дней до своей кончины в январе 1951 г. пригласил на ужин и, несмотря на подозрения в прослушивании квартиры, говорил с ним «о той страшной ситуации, в которой оказались ученые».[20]

Тяжесть и опасность бремени ответственности за судьбы науки и ее людей, которое несет президент АН и ее руководящие деятели, с высоким достоинством ясно выражена во вступительных статьях акад. Ю. С. Осипова, занимавшего этот пост в течение двух с лишним десятилетий, к каждому из томов двухтомного сборника документов «Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б)—КПСС» (М., 2000, 2010), охватывающего 1922—1958 гг.[21]

В система партийно-государственного руководства всей жизнью страны АН относилась к сфере непосредственного руководства партийными органами, несмотря на формальную подчиненность правительству (Ю. С. Осипов отмечает отступление от этого принципа в те годы, когда правительство возглавлял сам Сталин). Вошедшие в двухтомник документы отразили систему опеки и менторства по отношению к АН, претерпевшую, по заключению Ю. С. Осипова, некоторую либерализацию в ходе политической «оттепели» после XX съезда КПСС.

Автору настоящей статьи довелось в свое время издать сборник документов об учиненной в 1937—1938 гг. расправе над проф. В. Н. Кашиным, сотрудником ЛОИИ.[22] Для тех лет было характерно прямое воздействие органов НКВД на ученых, как и на представителей всех слоев населения страны. Но и тогда, как в последовавшие годы, наиболее значительные представители академической науки в меру своих возможностей старались защитить коллег. Это в частности относится и к попытке предотвратить

---

[17] Берия и теория относительности / Публ. подгот. С. С. Илизаров и Л. А. Пушкарева // Исторический архив. 1994. № 3. С. 215—223.

[18] Сталин и космополитизм. С. 448—550.

[19] См.: *Фриш С. Э.* Сквозь призму времени. Воспоминания. М., 1992. С. 366.

[20] *Капица С. П.* Вступ. заметка к: *Сонин А. С.* Совещание, которое не состоялось // Природа. 1990. № 3 (895). Март. С. 97.

[21] Составитель тома, относящегося к 1922—1952 гг., В. Д. Есаков, отв. составители тома, относящегося к 1952—1958 гг., В. Ю. Афиани, В. Д. Есаков.

[22] «Что вы делаете со мной!»: Как подводили под расстрел: документы о жизни и гибели Владимир Николаевича Кашина / Сост., вводн. ст., примеч. Р. Ш. Ганелина. СПб., 2006.

расправу над В. Н. Кашиным, предпринятой Б. Д. Грековым, заведовавшим тогда Ленинградским отделением Института истории РАН.

А в 1951—1952 гг. на посту директора этого института в Москве он упорно сопротивлялся разгрому кадров ЛОИИ, продолжения которого под руководством партийных органов добивались заведовавший тогда ЛОИИ М. С. Иванов и секретарь партбюро Б. М. Кочаков, 26 января 1953 г. М. С. Иванов обратился к Г. М._Маленкову с жалобой на Б. Д. Грекова и свою горестную судьбу.

«Считаю своим долгом, — обращался он к "дорогому Георгию Максимилиановичу", — сообщить Вам факты, которые, мне кажется, свидетельствуют о нарушении ленинско-сталинских принципов и решений XIX съезда КПСС по вопросу о подборе и расстановке кадров в Академии наук СССР».[23] В течение 1949—150 гг., — докладывал он, — «была отчислен группа лиц, которые по своим деловым и политическим данным не отвечали необходимым требованиям (троцкист Авакумов, космополит Лурье, Треногова, Ковалев, Петрушевский и др.)». Но в 1951 г. представление администрации ЛОИИ, сделанное по указанию секретаря Ленинградского горкома Н. В. Малина и секретаря партколлегии И. Т. Новикова «о необходимости освободиться еще от ряда подобных же лиц» — Р. Б. Мюллер, В. Г. Геймана и А. И. Болтуновой «встретило упорное сопротивление со стороны дирекции Института истории АН».

Иванов и Кочаков обратились в конце августа 1951-г. за поддержкой в Отдел науки ЦК к Ю. А. Жданову. Не помогло и его содействие. Только к концу 1951 г. Иванов добился своего с помощью присланного взамен арестованного П. С. Попкова нового руководителя Ленинградской парторганизации В. М. Андрианова. Противодействующей ему и Б. М. Кочакову силой Иванов считал Грекова и его заместителей И. К. Додонова, А. Л. Сидорова, С. Л. Утченко и А. А. Новосельского. В начале следующего года Иванов перестал заведовать ЛОИИ. Сколько он ни возражал против той трактовки дела, что был снят, в Институте истории и московских академических сферах его уход связывали именно с его конфликтом с Б. Д. Грековым. Б. Д. проявил стойкость и в деле назначения нового заведующего ЛОИИ. А. Л. Сидоров прямо сказал Кочакову, что Греков им недоволен. Московским кандидатом на заведование ЛОИИ был назван профессор истфака МГУ И. А. Федосов. Ленинградским партийным инстанциям одолеть московскую дирекцию не удалось, и Кочаков был ими назначен деканом истфака ЛГУ.

М. С. Иванов жаловался Маленкову на Ленинградский обком и Отдел науки ЦК, которые соглашались с Грековым. «Возможно, что это делается с целью "беречь Б. Д. Грекова", — рассуждал Иванов. — Конечно, таких ученых, как Б. Д. Греков нужно беречь. Но не правильнее ли бы было беречь их, и в том числе Б. Д. Грекова, не нарушая партийных принципов подбора и воспитания кадров и, в частности, не правильнее ли бы было беречь Б. Д. Грекова от того, чтобы люди, от которых нужно освобождаться, прятались за его спину и превращали его в свое оружие?»[24]

Здесь я как современник отраженных в обращении Иванова событий должен отметить, что он не обо всем знал или не договаривал. Трагические житейские ситуации тех лет сочетались с многосторонностью человеческой личности, иногда без прямой зависимости от ее общественного положения. Б. Д. Греков был не единственным защитником как В. Г. Геймана, так и Р. Б. Мюллер.

Еще в начале 1930-х гг. в одном из сборников документов, изданных Ленинградским истпартом, была опубликована солдатская резолюция о капитане Геймане.[25] Не знаю, она ли ему повредила, но мне известно, что его жена, директор школы, обратилась за помощью к ген. Н. Д. Горлинскому (Дрищеву), начальнику УМГБ по Ленинградской обл., с которым познакомилась при выдвижении его кандидатуры на

---

[23] Академия наук в решениях ЦК КПСС. 1952—1958. С. 50.

[24] Там же. С. 51.

[25] Большевизация Петроградского гарнизона [в 1917 г.] / Сост. М. И. Ахун, Б. М. Кочаков, М. Л. Лурье. Ред. и вступ. ст. А. К. Дрезена. Л., 1932.

выборах в Верховный совет РСФСР. Как рассказал мне Н. Е. Носов, ставший вскоре секретарем парторганизации ЛОИИ, из этого управления в АН было прислано официальное письмо об отсутствии у них к В. Г. Гейману каких бы то ни было претензий. Но в августе 1951 г. Горлинский сам, как тогда говорили, «погорел», и это, несомненно, придало духу Иванову и Кочакову. Наряду с ЛОИИ В. Г. Гейман работал в Публичной библиотеке, и оттуда уволен так и не был.[26]

Р. Б. Мюллер была замужем за известным ученым-химиком Л. К. Мюллером. Немец по национальности, он был в ссылке. Однако президент Академии А. Н. Несмеянов, его коллега, поддерживал с ним связь.

С другой стороны, противники Б. Д. Грекова не учитывали того, что в деле использования в помощь коллегам той благосклонности, которая была к нему в правящих кругах, Б. Д. не был новичком. После расстрела В. Н. Кашина он добился освобождения его жены К. Н. Сербиной, которая была арестована и оказалась в пресловутом Карлаге. А во время войны в Ташкенте, куда был эвакуирован Институт истории, и Б. А. Романов получил предписание о высылке из города «на 101-й километр», директор института добился отмены этого.

Обращение М. С. Иванова к Маленкову в январе 1953 г. соответствовало активизации Сталина в руководстве наукой в последние месяцы его жизни наподобие того, как это было в области физики.

Речь шла не только о «наведении строгости», как тогда выражались, но и об удовлетворении потребностей и нужд АН. Развертывая перед Сталиным широкий план строительства зданий, Ю. А. Жданов в записке ему 19 декабря 1952 г. называл четыре подлежащих открытию новых института, «потребность в которых очевидна», — электроники, белка, минералогии и геохимии, американских проблем.[27]

Поднятое М. С. Ивановым знамя похода против ЛОИИ было подхвачено, болезнь Грекова этому способствовала. Читатель может быть отослан к уже упоминавшейся статье В. М. Панеяха, воссоздающей картину политической дискредитации коллектива ЛОИИ и его закрытия, осуществленного в апреле 1953 г. в силу послесталинской инерции.

Смерть Сталина, незадолго до которой был даже произведен арест акад. И. М. Майского, изменила многое в судьбе АН, несмотря на экстравагантные и подчас неожиданные действия Н. С. Хрущева. Его попытки оживить лысенковщину и повлиять в связи с этим на выборы в АН известны. Передам рассказ Д. С. Лихачева, так изложившего обстоятельства смены А. Н. Несмеянова М. В. Келдышем на посту президента АН в 1961 г.

В СССР находился тогда почетный председатель коммунистической партии США У. Фостер, плодовитый автор многих книг по истории мирового революционного движения, по истории США, выходивших и на русском языке. Он был стар и болен, и Хрущев, отправляясь в санаторий его навестить, поручил передать Несмеянову, чтобы туда к его приезду был доставлен документ об избрании Фостера иностранным членом АН. Несмеянов объяснил, что существует уставная система выборов с решением общего собрания АН об их объявлении, извещением об этом в газетах и опубликованием через определенный срок списка выдвинутых кандидатов. Выслушав это, Хрущев сказал: «Зачем нам нужен президент, который не может сделать такой простой вещи?» Позвонили в МГУ, и оттуда прислали диплом почетного доктора. Но на состоявшихся вскоре выборах нового президента, которым стал М. В. Келдыш, несколько академиков объяснили свой отказ за него проголосовать необходимостью соблюдения устава.

Так или иначе, уже в 1955 г. был восстановлен институт Варги. Он получил название Институт мировой экономики и международных отношений. В качестве его

---

[26] *Дворецкая Н. А.* В. Г. Гейман // Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры. Биографический словарь. Т. 2. СПб., 1999. С. 194—197.

[27] *Есаков В. Д.* Документы Политбюро ЦК как источник по истории Академии наук // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). 1922—1952. С. 14.

главы аппаратом ЦК был предложен И. И. Кузьминов, участник кампании против Варги, отец нынешнего ректора Высшей школы экономики Я. И. Кузьминова. Однако директором был назначен акад. А. А. Арзуманян, один из инициаторов создания в АН институтов США и Канады, Латинской Америки и др., а также экономико-математического института.

Инициатива создания ИМЭМО была проявлена Отделом ЦК по связям с иностранными компартиями, возглавлявшимся Б. Н. Пономаревым. В его записке 11 августа 1955 г. отмечалось, что «изучение экономики и политики зарубежных стран поставлено в настоящее время неудовлетворительно». В ней в частности указывалось: «Существующие институты Академии наук СССР — Институт экономики, Инстиут истории другие слабо справляются с этим делом и не удовлетворяют потребностей партийных и государственных органов в получении объективной, научно проверенной информации о процессах, происходящих в экономике и политике зарубежных стран. … Создание самостоятельного Института мировой экономики и международных отношений могло бы разрешить значительную часть задач, находящихся в настоящее время в запущенном состоянии. Основными задачами института могло бы быть всестороннее и глубокое изучение таких стран, как США, стран Западной Европы и Латинской Америки…»[28]

ИМЭМО был создан решением президиума ЦК уже после XX съезда 3 апреля 1956 г. Известная нам инициатива 1952 г. о создании института по изучению американских проблем долго ждала своего осуществления.

В течение ряда лет в составе АН сформировалась система гуманитарных институтов, которые должны были предоставлять Кремлю экспертно-исследовательские материалы вневедомственного происхождения для сопоставления с ними позиций как правительственных государственных учреждений, так и отраслевых отделов ЦК КПСС. Вот даты создания этих институтов: Институт Африки — 1959, Латинской Америки — 1961, Дальнего Востока, а также международного рабочего движения (с 1991 г. — сравнительной политологии) — 1966, США и Канады — 1967, экономики мировой социалистической системы — 1969 (с 1991 г. — международных экономических и политических исследований), Европы — 1987 гг. В 1976 г. был создан Всесоюзный научно-исследовательский институт системных исследований Гос. Комитета по науке и технике и АН для комплексного исследования научно-технических и социально-экономических проблем. С самого начала этого процесса имелось в виду опубликование научной продукции этих институтов наряду с продолжением исследовательской работы по изучению истории, экономики, социальной, политической и духовной жизни зарубежного мира в существовавших гуманитарных институтах АН.

Создание этих институтов даже способствовало развитию исследований в области истории, экономики и политической жизни стран, вошедших в сферу их занятий, проводившихся сотрудниками тех институтов, которые этим традиционно занимались. Так, в Институте истории (позже — всеобщей истории) в секторе истории США (позже — Центре североамериканских исследований) должны быть названы акад. Г. Н. Севастьянов, акад. Н. Н. Болховитинов, Л. Ю. Слезкин, Р. Ф. Иванов, И. А. Белявская, А. Е. Кунина (Большакова), Г. П. Куропятник, В. Л. Мальков, Дж. Г. Наджафов, В. В. Согрин. с этим институтом связана многолетняя деятельность таких историков Латинской Америки, как имеющие всемирную репутацию Л. Ю. Слезкин, М. С. Альперович. В ЛОИИ группу из нескольких историков США возглавил Акад. А. А. Фурсенко. В Институте этнографии, кроме старейшего советского американиста чл.-корр. АН СССР А. В. Ефимова, это видные американисты Э. Л. Нитобург, Ш. А. Богина. Пример движения кадров из вновь созданных в ранее существовавшие гуманитарные институты АН являет собой видный российский экономист чл.-корр. РАН Б. З. Мильнер, с конца 1980—х годов работающий в

[28] Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б), ВКП(б), КПСС. 1952—1958. С. 328—329.

Институте экономики, начинавший в Институтах США и Канады, а также — системных исследований. Крупными специалистами по истории США были профессора истфака МГУ И. П. Дементьев и Н. В. Сивачев.

Известная американистка Е. И. Попова, автор ряда ранних исследований о внешней политике США, преподавало в Педагогическом институте и в институтах новой формации не работала, в отличие от своего сына А. А. Попова.

Созданный во время войны Институт славяноведения, кроме обычной исследовательской работы и публикации источников, вел экспертную деятельность в помощь государственным ведомствам и партийным инстанциям. До некоторой степени это относилось и к Институту востоковедения.

Акад. А. Б. Давидсон, ставший главой африканских исследований в стране, в Институте Африки не работал, оставаясь в институтах востоковедения и всеобщей истории.

Обратимся у составу руководителей рассматриваемых нами институтов и тех из числа их сотрудников, которые получили особенную известность в литературе.

В ИМЭМО после акад. Арзуманяна «у руля» были академики Н. Н. Иноземцев, Е. М. Примаков (он был заместителем директора, а затем — директором Института востоковедения), а также акад. А. Н.-Яковлев. Как известно, он стал секретарем ЦК КПСС при М. С. Горбачеве. Иноземцев и Примаков относились к окружении Л. И. Брежнва, в котором большая роль принадлежала акад. Г. А. Арбатову, первому и многолетнему директору Института США и Канады. Глава российской «национальной правой» С. Н. Семанов считал его и редактора «Литературной газеты» А. Б. Чаковского борцами против международной напряженности, разрядки которой оба они, «рискуя!» добивались как победы главного «сионского дела».[29]

Государственная карьера Е. М. Примакова включала в себя, как известно, все возможные ее стадии. Вот как описывает один из близких ему востоковедов его деятельность на посту директора Института востоковедения: «В институт приглашали работников МИДа, Комитета государственной безопасности, Внешторга, Главного разведывательного управления армии, Государственного комитета по экономическим связям и в течение нескольких дней обсуждали конкретные темы, затрагивающие самые насущные интересы страны. Результатом свободного обмена мнениями и компьютерной обработки материалов становился документ, называющийся “Ситуационный анализ”. Он приобретал форму брошюры, гриф “секретно” и рассылался самым высоким начальствующим лицам по списку. Тем лицам, которые обладали реальной властью в стране и могли принимать единоначальные решения».[30] «Многие свои шаги на мировой арене правительство СССР сделало, опираясь на “костыли”, изготовленные в мастерской Примакова», — считает его биограф.[31] Следует отметить, что методологическая основа этой работы не сводилась к системе взглядов ее руководителя, а сделанные рекомендации не были бесспорными и благодаря этому имели особенное значение.

Окончивший аспирантуру Института США и Канады и сменивший в 1995 г. Г. А. Арбатова на посту его директора акад. С. М. Рогов исследует военную политику не только США, но и России. Работа эта проводится на академической основе параллельно аналитической деятельности государственных структур. Акад. А. А. Кокошин, сотрудник этого института, также занимается военной политикой как предметом специального изучения. Он был и первым заместителем министра обороны России и вице-президентом РАН.

Акад. В. В. Журкин, заместитель директора Института США и Канады, затем директор Института Европы, — специалист по американской и европейской военным доктринам.

---

[29] *Семанов С.* Из нашей борьбы. Anno Domini 1980 // Наш современник. 2004. № 1. С. 156.

[30] *Королев Б.* Как Примаков стал Примаковым. М., 2003. С.-43.

[31] Там же. С. 45.

Институт мировой социалистической системы много лет возглавлял акад. О. Т. Богомолов, также входивший в окружение Брежнева. Он и его сотрудники возражали против ввода наших войск в Афганистан. С 1976 г. в институте работает акад. А. Г. Арбатов, эффективный независимый исследователь проблемы разоружения. С момента создания этого института его сотрудником является акад. Р. М. Энтов, исследователь американских и мировых финансов.

Известный историк-американист Н. Н. Яковлев, творчество которого в значительной части инспирировалось руководством КГБ, считал деятельность Г. А. Арбатова неудачей.

Как и другие специалисты по современности, — утверждал Н. Н. Яковлев, — Арбатов прельщал Политбюро тем, что их избрание в Академию наук «откроет дорогу к верхам общества на Западе». Получилось же, по словам Яковлева, «обратное»: на Западе «превратили их в канализацию для спуска своих идей».[32]

В действительности изучение современных проблем и выработка нового к ним подхода, иногда общего с Западом, была неотвратимой политической потребностью. Сколько ни кипятился Хрущев перед своими западными собеседниками и слушателями, он понимал, осуществляя разоружение, необходимость политики мирного сосуществования. В его поездке в США среди сопровождавших его лиц был Т. Т. Тимофеев, недавно скончавшийся московский историк и экономист, сын генерального секретаря американской компартии Ю.Денниса. Вероятно, в этом был и не известный нам смысл, потому что уже в 1966 г. он, плодовитый автор, стал на много лет директором нового Института международного рабочего движения (после 1991-г. — Институт сравнительной политологии).

Подоплека дела, как представляется, состояла в том, что для завязывания отношений, получения сведений и установления личных контактов было недостаточно тех каналов, по которым традиционно действовали «мидюки» (шутливое название мидовцев) и разведслужбы. Нужны были новые, иногда тоже закрытые, для установления которых необходима была широко поставленная исследовательская работа, которая преодолела бы идеологический барьер между двумя мирами. «Энциклопедия российско-американских отношений XVIII—XX века» (автор и составитель Э. А. Иванян. М., 2001) содержит биобиблиографические статьи о многих десятках ученых-американистов высшей квалификации, каждый из которых является автором нескольких монографий, обладающих не только исследовательскими достоинствами, но и высокой информативной ценностью.

Некоторые из них в начале своей деятельности работали в государственных ведомствах, иногда службе в них предшествовала научная работа.

На стороне тех, кто отстаивает достаточность традиционных каналов, применявшихся подходов и методов, был один важный аргумент. Он заключается в том, что именно среди вышедших в отставку сотрудников спецслужб оказывались знающие и опытные страноведы, усвоившие е тому же общие нормы и принципы зарубежной жизни, мало известные научным работникам советской выучки.

Именно таких людей организаторы новых академических институтов использовали в деле формирования их коллективов. Так, генерал-лейтенанта М. А. Мильштейна, одного из руководителей советской разведки во время Великой отечественной войны, проработавшего в Институте США и Канады двадцать лет после своей демобилизации в 1972-г., к моменту которой он обладал литературной известностью как исследователь американской военной доктрины, автора книги о заговоре против Гитлера в 1944 г., Г. А. Арбатов пригласил на должность старшего научного сотрудника и предложил ему возглавить отдел военно-политических исследований. Однако Мильштейн взялся лишь за организацию этого отдела с возвращением после нее на должность старшего научного сотрудника. «Коллектив собрался интересный, — вспоминал он. — Отношения носили

[32] *Яковлев Н. Н.* 1 августа 1914 г. Изд. 3-е. С. 292.

дружеский характер. вся обстановка в институте располагала к работе. С тематикой я был более или менее знаком и довольно быстро включился в научно-исследовательскую жизнь ИСКАНа, так что перерыва между уходом из армии и началом новой работы в сущности не было. Вскоре я начал принимать участие в проводимых совместно с американскими и западноевропейскими учеными симпозиумах и семинарах на различные темы, главным образом касающиеся проблем ограничения вооружений и разоружения. По этим же проблемам я стал привлекаться и в качестве эксперта. В 1976 г. мне впервые был разрешен выезд за рубеж в западную страну, до этого я выезжал только в социалистическую Венгрию на Пагуожскую конференцию».[33]

Работая в институте, М. А. Мильштейн в 1984 г. защитил докторскую диссертацию по истории в форме научного доклада по ряду своих работ об эволюции военно-стратегических концепций США в 1960—1980 гг.

Не во всех случаях легко установить сведения о сотрудниках тех институтов, о которых идет речь. Так, в статье о многолетнем московском корреспонденте американского агентства «Юнайтед пресс интернейшнл» Г. Шапиро в «Энциклопедии российско-американских отношений» на стр. 616 читаем: «Известно юмористическое наблюдение послевоенных лет: “Два мира — два Шапиро”. (Вторым Шапиро, в чьих статьях и исследованиях картина мира и Советского Союза выглядела полярно противоположной, был международник-экономист, сотрудник Института мировой экономики и международных отношений АН СССР А. И. Шапиро)». А. И. Шапиро принадлежал к ленинградской профессорской семье, будучи сыном известного уролога И. Н. Шапиро и двоюродным братом основателя одного из плодотворных исследовательских направлений в исторической науке А. Л. Шапиро, который, однако, никогда своим коллегам и ученикам об А. И. не говорил.

Бывало и противоположное. Своей яркой общественной позицией известен сотрудник ИМЭМО К. Л. Майданик.

В Институте США и Канады работал В. Шамберг, внук С. А. Лозовского и сын помощника Маленкова, одно время состоявший в браке с его дочерью. Впоследствии он преподавал в американской военной академии.

Рассмотренная система академических институтов, несомненно, сыграла на протяжении нескольких десятилетий отводившуюся ей роль.

Существует еще одна организационная форма РАН, способствующая ее функционированию на уровне мировой науки. Имею в виду Управление внешних сношений АН, которое в течение нескольких десятилетий ведает ее международными связями, обеспечивая их развитие. Соглашение о советско-американских научных обменах, заключенное после XX съезда КПСС (см. о нем работы А. С. Крымской и В. П. Леонова), придало особое значение этой академической структуре, как и ей соответствовавшим в Московском и Ленинградском университетах.

Руководивший УВС акад. В. А. Виноградов, став директором Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР, которая в моих глазах — а я старый ее читатель — была кремлевской (я держал там в руках изданную в Нью-Йорке знаменитую книгу Валентинова о Ленине с карточкой в приклеенном кармашке, первые записи в которой были: Хрущев, Суслов, Библиотека ЦК КПСС), преобразовал ее в Институт научной информации общественных наук в построенном специально для него здании. Теперь это самый большой по числу сотрудников гуманитарный институт РАН, который

[33] *Мильштейн М. А.* Сквозь годы войн и нищеты. М., 2000. С. 29. В предисловии акад. Е. М. Примакова к посмертному изданию этих воспоминаний читаем: «Безусловно, одна из его главных отличительных черт — это мудрость. …Михаил Абрамович сочетал в себе чувство органичной причастности ко всему тому, что происходило в стране, которую он безмерно любил, стремление служить ее интересам… с критическим взглядом на темные стороны той социально-политической действительности, которые нас подчас окружали». Заметим, что на стр. 22 и сл. мемуаров речь идет о кадровой чистке по анкетным признакам в высших эшелонах разведки в 1945 г.

во главе с акад. Ю. С. Пивоваровым соединяет информатику как современную научную дисциплину с науковедческим исследованием мировой общественной мысли.

Иностранный отдел СПб академического центра возглавляли такие специалисты, как А. А. Ровняков, А. В. Прохоренко, много лет ведающий после этого внешними связями всего города. А в СПб центре во главе этого отдела — бессменный профессионал Д. К. Донской. Я — многолетний свидетель того, что их деятельность, как и работа представлявших Иностранный отдел в нашем институте Е. П. Семенова и С. Б. Кореневой, были направлены на поддержание мирового уровня научных исследований и укрепление международных общественных контактов. Достаточно упомянуть о серии книжных изданий, посвященных отношениям между Петербургом и различными странами мира (ее составителем является С. Б. Коренева, а гл. редактором д-р философ. н. А. В. Прохоренко).

Административно-организационная работа в аппарате АН и ее отраслевых и территориальных отделений и, наконец, институтов проводилась людьми профессиональной опытности. Это относится к работникам, с которыми мне приходилось взаимодействовать в течение разных лет, И. Ю. Родимцевой, Л. В. Стрельниковой, Е. А. Никифорову, В. Б. Черкасскому в ОИНФ в Москве, ученому-энциклопедисту Э. А. Троппу, Е. А. Ивановой, В. Ф. Варфоломеевой, И. И. Алаевой в Петербурге.

Организационная перестройка РАН в осуществляемой форме препятствует продолжению и развитию связанной с Академией традиции в области государственного управления РФ. Руководству страны в трагической этногеополитической ситуации, сложившейся в отношениях с Украиной, существенную помощь могло бы оказать обращение к исследованиям по украинскому и крымскому вопросам в отечественной истории или к специалистам в этой области, как и в сфере мировой политики в целом. Казалось бы, уроки кампании против Института мирового хозяйства и мировой политики, проводившейся в руководящих сферах перед 22 июня 1941 г., должны иметь непреходящее значение…

Но вернемся к теме отношений между властью и АН, логическим продолжением которых явилось ее огосударствление, соответствующее построению административной вертикали во всех сферах жизни страны. Эпопея А. Д. Сахарова была по своему общеполитическому значению много важнее попыток вмешательства Агитпропа ЦК в физику в 1949—1952 гг. А в 1990—1991 г. к Сахарову добавились Д. С. Лихачев, речь которого на многотысячном митинге на Дворцовой площади 20 августа 1991 г. незабываема для присутствовавших, О. Г. Газенко и др. В жизни самой АН большую роль сыграло участие представителей институтов в ее общих собраниях, ныне отмененное.

В обращении с академиками традиция превозмогает либерализацию, которая проявляется чуть ли не каждое десятилетие. В 1953—1955 гг. арестованный акад. И. М. Майский был сначала просто «английским шпионом», а затем это обвинение было подкреплено попыткой его освобождения, предпринятой было Берией после смерти Сталина, а также антипатриотическим предпочтением английской кухни перед русской, в котором он был уличен. Приговоренный в 1955 г. к шестилетней ссылке, он был великодушно помилован, и директору Института истории А. Л. Сидорову было сказано по телефону: «Там у Вас академик был Майский, так он придет, пусть работает».

Следует напомнить о требовании посещать Сахарова в ссылке, заявленном акад. В. Л. Гинзбургом, который еще во время войны женился на ссыльной.

Д. С. Лихачева не ссылали за несговорчивость, ему вместо этого в подъезде собственного дома сломали ребро и угрожали то ли поджогом квартиры, то ли отравлением газом его семьи.

В наши же дни председателя Московского математического общества акад. В. А. Васильева, пришедшего к зданию, где происходил суд по «болотному» делу, посадили всего-навсего в автозак и по суду(!) оштрафовали, прославив этим его, ученого с мировым именем, еще и как настоящего мужчину, гражданина и патриота.

Полагаю, что в деле обеспечения интеллектуального научно-технического прогресса во всех областях государственной и хозяйственной жизни руководство страны должно видеть свой национальный долг в опоре на РАН, не надеясь изобрести двигатель, рассчитанный на энергию конторско-бухгалтерского руководства и реформаторства. Управляемая наука это жареный лед.

Р. Ш. Ганелин, гл.н.с. СПбИИ РАН,
чл.-корр. РАН., проф. истфака СПбГУ.